

В „речах“ отписок казаки от лица всего Войска подтверждали, что они взяли Азов без государева „повеления и помочи“ и, следовательно, показывали царю, что и в своих сношениях с противником они неуклонно держатся желаемой для него точки зрения, не собираются прикрываться царским именем и всю ответственность за Азов принимают на себя.

С другой стороны, эти „речи“ в составе отписок были удобной формой для того, чтобы косвенно напомнить царю, обращаясь опять-таки будто бы только к крымскому хану, о том, что казаки дорожат своей независимостью и самостоятельным положением в Азове. Если при взятии города от государя им помощи не было, то они одни хозяева своего завоевания: „одни мы, казаки... взяли Азов... одне мы ныне в городе и живем“.

В таком же плане, как мы уже говорили однажды,¹ „дипломатически“ пользуется формой „речей“ и автор нашей повести, ориентируя свое произведение на московского читателя.

Таким образом, и общая целевая установка включения таких „речей“ в состав рассказа об азовских событиях, и манера изложения их, доходящая местами до текстуальных совпадений, оказываются в подлинных войсковых отписках и в Поэтической повести очень близкими.

В связи с этим мы должны отметить одно наблюдение А. С. Орлова, которое представляется нам очень существенным. Сравнивая Особую повесть с казачьими войсковыми документами, исследователь писал: „Сходство речей разновременных и записанных в разное время (1638 и 1641 г.), доказывает только одно, что для передачи их на Дону выработался определенный шаблон“.² В „речах“ отписок и повестей мы обнаруживаем вполне определенную и закрепленную уже традицией своеобразную канцелярско-литературную обработку живой речи, сочетание ее с официально-деловым стилем.

Мы думаем, что этот полу-литературный стиль отписок с их выразительными „речами“ сложился под влиянием специфических условий самой жизни казачества в ту эпоху, и что он многое почерпнул из живой „ораторской“ речи казаков, специалистов по переговорам с противниками. С другой стороны, может быть, и эти уже обработанные документально-литературные формы в дальнейшем в свою очередь влияли на стиль речей донских „ораторов“.

Существование и деятельность одного из таких „ораторов“, участника азовского „сидения“ и „специалиста по речам“, как характеризует его А. С. Орлов, засвидетельствованы документально. Атаман Осип Никитин Лосев, сын служилого в Ельце человека, сам с детского возраста более 30 лет „служивший“ на Дону, во время осады Азова в 1641 г. был избран Войском в качестве парламентаря. В челобитной на царское имя от 1 октября 1644 г. он о себе рассказывает: „И я, холоп твой,

¹ См. подробнее в нашей ук. статье (т. VI наст. изд.).

² А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 27—28.